

Театр

„А зори здесь тихие“

...У скорбных высоких сосен умирает девочка. Вспыхнул и оборвался на полуденное голубое, опалило глаза мгновенным детством: будто она в своем детском доме играет и белое приведение, мальчишки лонят ее, а она плотнее кутается в спасительную белую простыню и... нет черноглазой смешиной Гали Четвертак. Не успела осознать смерть и Соня Гурьяч. Не стало и крепкой брижской девочки Лизы Врижской, не вернется она больше на свой лесной кордон и не суждено ее грубой рукой

коснуться колючей щетины на щеках старшины Васкова...

Женщина и война. Одна приносит в мир жизнь, другая душист ее железными пальцами пулеметных очередей. Об этом и о той высокой цене, какой достались победа в Великой Отечественной, — новый спектакль Оренбургского драматического театра имени М. Горького (режиссер В. Мухин, руководитель постановки П. Тихомиров). Это спектакль о пяти неспетых песнях, а пяти несостоявшихся песнях, женах, матерях, погибших на войне.

Прежде чем выйдет на сцену Федот Ефграфович Васков, в зал гнет пылающее в меди скорбное женское лицо, и высокая печальное повеет от него. А еще на сцене будет лес. Нет, не обычный, маявший зеленой ласкательностью спосой прохлады, а гневный, обугленный горем войной, лес, не умиливший смеяться шедом своих берез и осин, потому что он не имеет права на это сейчас, он тоже солдат, поэтому и стоит, ошетиливший штыками своих веток и дулами стволов, — чужой и страшный в своей неспешности врагу. Думается, работа художника С. Шевелева

в этом спектакле заслуживает самой высокой оценки.

Не повезло старшине Васкову: после долгих хлопот получил он для охраны важного военного объекта, вверенного ему, надежную охрану в лице отдельной женской команды. И именно с этой самой минуты кончилась для старшины нормальная армейская жизнь. Ну и дела пошли: слова «длинного» не скажи, без стука не войди, а на военном объекте бельевые червяки протянуты, на которых самое что ни есть женское гражданское белье.

А потом немцы выбросят десант и старшина Васков с пятью девочками-бойцами отправятся их искать, имея боевой приказ: выскочить намерения противника, не дать возможности совершить немцам диверсию на железной дороге. Тут-то и разыгрываются трагические события, и останутся лежать в земле все пять девочек...

Нет нужды доказывать, что успех любого спектакля в значительной мере заложен в пьесе. Спектакль «А зори здесь тихие» (авторы сценической композиции по одноименной повести В. Васильева Ю. Любимов и Б. Глаголин) — очевидный тому доказательство. Авторы сценического варианта повести, и прежде всего Ю. Лю-

бимов, будучи сам руководителем и главным режиссером одного из интереснейших московских театров — театра на Таганке, владеют законами выразительных возможностей сцены. Правда, первая часть композиции несколько грешит фрагментарностью, однако это не мешает всей композиции в целом, не мешает ее высочайшему накалу гражданственности и горькой поэзии горьких военных дорог.

«Любимовское начало» композиции определило во многом и образ оренбургского спектакля, ибо другой подход разрушил бы это своеобразно обостренное восприятие войны, созданное как автором повести Б. Васильевым, так и авторами ее сценического варианта.

Прочитал ли театр пьесу во всей ее глубине и образности? Думается, что на этом пути ему еще есть над чем поработать. Однако театр создал спектакль во многом интересный, не традиционный для оренбургской сцены, по крайней мере в последние годы, спектакль, отмеченный той яркой театральной условностью, которая и приводит людей в зрительный зал.

Вот старшина Васков вручает девушкам для перехода через болото абсолютно реальные слезы, чтобы надушивать

дорогу в болоте, а потом переключает прожектор на из-за кулис, магнитофонная запись чужающей болотной грязи — и вот оно, чудо: нет ровного пола сцены, а есть глухое непролазное карельское болото, где каждый шаг в сторону — гибель. Вот оно, чудо театральной условности. Героиня убита, но она еще говорит, а в следующем эпизоде она выйдет и будет петь над убитой подругой недовольный куплет ее оборвавшейся жизни. И это тоже условность, но опять по линии театрального чуда, выходящего наше сопереживание.

Что касается недовольства в спектакле, то к ним прежде всего следует отнести разное стилевое звучание первой — бытовой — и второй — героико-романтической части спектакля.

Важнейшая роль старшине Васкову поручена актеру Д. Грушевскому. В первой части композиции характер неторопливого, основательного, бывшего старшины исполнителем менее удаётся. Во второй части он «находит себя». Но и здесь, к сожалению, Васков — Грушевский несколько суетлив и оттого мелковат, оттого не получает образ зинковского звучания, хотя именно так, как Васков, заслонили грудью Россию и выиграли войну. Девушки убедительны, только у ис-

полнительными роли Женя Комельков (арт. С. Хакуз) хотелось бы видеть больше органичности в раскрытии характера своей героини, а постановщикам спектакля — подумать о более точной расстановке акцентов в этой роли, в частности, лучше показать свой счет Женки к фашистам, расстрелявшим на глазах девушки ее семью.

Что касается многих мизансцен в спектакле, хотелось бы видеть их пластически более «обжитыми» актерами и завершенными. Это относится как к первой, так и ко второй части композиции.

Музыкальные фрагменты, исполняемые девушками над убитыми подругами, лесил представляются несколько приземленными, ведь они задуманы, как эхо, как воспоминание, прошлепавшее в воздухе перед тем, как каждой из героинь уйти в небытие. Да и выбор мелодий

и текстов в ряде случаев представляется не единственно возможным. Может быть, есть смысл подумать о более контрастном использовании мелодий: сный мажорный кусок их жизни в контрасте со смертью. Думается, что такое сочетание способно родить искру более сильного эмоционального заряда сопереживания у зрителя.

Разумеется, шероховатости имеются в каждом, даже самом хорошем спектакле, суть не в них. Важно, что в Оренбургском драматическом родился новый, не просто благополучно хороший, а во многом интересный спектакль.

М. ЛАЗАРЕВ.

НА СНИМКАХ: Гали Четвертак — арт. Л. Елагина, старшина Васков — арт. Д. Грушевский; сцена из спектакля.

Фото В. Фирсова.